

«Как слово наше отзовется»

Вася Боровой был крепким мужчиной с крупным и умным лицом инженера-строителя. Его недавно очень задел пост одного известного писателя, и Вася никак не мог успокоиться. Мне, как известному в городе книголюбу, он в первую очередь и жаловался:

— Не, ты понимаешь? Ничего ты не понимаешь!

Упомянутый писатель в контексте идей евразийства рассказывал у себя на странице в соцсети, как ездил в наши и соседние азиатские дали. И что, мол, на мероприятие пришли только «местные», как он выразился, то есть представители коренного монголоидного населения. Пост этот вызвал удивление как у европеоидов, так и у монголоидов. Если отбросить расовые особенности строения тел — тот же разрез глаз, — последние отличались от первых разве что налаженными горизонтальными связями «бурят буряту помощи», да те, кто постарше, могли малозаметно свои ритуалы проводить — кто буддийские, кто шаманские. Если же вернуться к особенностям физиологии, то «монгольский глаз» спасал от дальнего света на трассах, что очень раздражало европеоидов — тех слепило. В Бурятии

по ночам ездить невозможно: «местные» забывают выключать дальний свет.

А так... 9 Мая праздновали вместе, Масленицу тоже, Пасху и Сагаалган тоже. Столько веков воевали бок о бок. Один православный священник недавно выпустил фильм «Брат ты мне» про многовековую дружбу «местных» и, оказывается, «не местных».

В общем, пассаж писателя не поняли и оценили враждебно. Вася, в очередной раз покрасневшийся щеками и излишне жестикулирующий, внушал мне:

— Я родился здесь, отец мой родился здесь, дед мой тоже родился здесь! Я с четырнадцати лет работаю, я землю местную пахал, ногами до Байкала ходил, земля эта с водою ангарской меня рóстила! А тут, понимаешь ли, не местный! Да если бы не мы, кто — буряты или тунгусы — оперный театр себе придумал бы? А? Скажи мне!

Проповедь евразийства стала толкать уязвленные души к легкой ксенофобии. А где легкая...

— Дорогой мой... — Я примирительно отпил кофе из чашки. — Никто не обесценивает вклад русских в развитие этой территории, никто не отрицает, что земли эти к России присоединяли, не особо спрашивая живущих тут кочевников. Но справедливости ради отметим, что те же тунгусы русских приняли практически с радостью. Они и так дань платили, только бурятам, а с приходом европейцев получили ружья, мельницы, инструменты и новые подходы к земледелию. За Уралом до нас в принципе перенаселение было...

Исторические детали моего приятеля интересовали слабо. Он, скорее, хотел получить подтверждение мыслям, в которых без конца варился.

— Я же фото посмотрел! Он пишет, что «в зале одни местные, раскосые лица» сидели! А там славяне только, понимаешь? В Якутске еще пару азиатов нашел, а у нас-то и на фотках не было! Зачем врать, спрашивается?!

— Слушай, он пишет по десять постов в день, может, болел или с похмелья мучился, написал, что в голову первое пришло.

— Разве писатель так может?! Он же каждое слово!.. Бусинка к бусинке! Эх...

— Ну слушай, ты не сравнивай палец с ручкой. Писатель свой текст сам на десять раз отредактирует, потом редактору профессиональному отдаст... У нас вот Сенчин был недавно, рассказывал: если редактор от издательства присылает почти нетронутый текст, он просит заменить редактора.

— Он же писатель!

— Он человек. И блог — это блог, считай, прямая речь, там легко оговориться.

— Ничего ты не понимаешь...

Через месяц Вася отдал мне все свои книги неосторожного в высказываниях писателя. Еще через четыре принес научный журнал со своей статьей — местный университет, что не принято, опубликовал исследование любителя. Мой товарищ проанализировал литературные образы взаимоотношений коренного и пришедшего населения региона у местных классиков. Работа была не без огрехов, но достойная. Я сам многое узнал из нее.

Я был рад, что Вася не ушел в сети радикально-правых взглядов. Может быть, та самая местная литература, которая сложилась к расцвету Советского

Союза и весь прошлый век несла идеи братства народов, не дала радикализироваться. Через год Василий Федорович Боровой организовывал совместные мероприятия с этническими клубами, просвещал в вопросах истории население, знакомил народы с их же традициями. Последнее, признаться, больше русским требовалось: коренные, кто постарше, традиции своих народов сохраняли, а вот что за Благовещение такое или что символизирует верба в Вербное воскресенье, многие из крещеных не знали.

События повлияли не только на гражданственность Василия, но и на духовный мир. Сын заводчан, родившийся на излете Союза, религией предков не интересовался, разве что куличами. А тут невольно приобщился, изучил, все взвесил — да и принял крещение аккурат 19 января, прямо в проруби.

А я через какое-то время, жарким и душным летом, оказался в Москве, на презентации книги обидевшего моего товарища писателя. Исторический роман, много фактов, блестящая речь, потом вопросы из зала. Понимая, что автограф-сессия будет долгой, я решился задать вопрос. После краткой благодарности за творчество спросил:

— Я вот из далекой Сибири, вы в одном своем посте представителей наших коренных народов назвали «местные», мол, русские там не местные. Этим очень сильно обидели одного моего друга. Почему же веками живущие на тех землях русские — не местные?

— Я правда так написал? — Интеллигентного вида круглые очки слегка сползли к кончику носа.

— Да. Что на презентации вашей книги только местные были. Там про орду еще что-то...

— Да-да, припоминаю... — Писатель, один из моих любимых из числа нынче здравствующих, задумался. — Правда, оговорился, наверное. Прошу передать извинения вашему другу. Вы оставайтесь на автографы, я ему книжку подпишу.

Возвращался я в «старушонку седую», как называл Сибирь один наш прославившийся поэт, с двумя подписанными книгами — себе и Васе. Уже в самолете не удержался, решил подглядеть, что же писатель передал обиженному читателю. Открыв первую страницу с большой и красивой надписью названия книги, под которой тек волнами почерк автора, я весело хохотнул, едва пробежавшись глазами. Там было написано:

«Дорогому местному читателю. Прошу простить похмельную оговорку».

Знал бы автор, какого человека вырастила его «похмельная оговорка». А ведь могло и наоборот сложиться, ох могло...

Венец природы

— Понимаешь, ни работы нормальной, ни перспектив. Чувствую себя как в ссылке. Или на каторге. В моей сфере, в том, чем занимаюсь, что умею — и умею, поверь, лучше остальных, — я уперся практически в потолок. Кирьяныч шутит, что у нас климат такой, но... Работал бы в крупной фирме — один хрен в директора офиса или отдела идти, чтобы больше зарабатывать, а это уголовная ответственность и прочий головняк за дополнительные двадцать тысяч. Оно мне надо?

Коля пыхтел в усы, откровенно жалуясь на жизнь. Он остановил тираду, чтобы выпить пуэра. Федя поспешил вклиниться:

— Напомни, у тебя когда день рождения?

— В ноябре. Двадцать третьего.

— Ну-ка...

Смартфон легким движением оказался в руках Феди. Он застрочил по клавиатуре, извлекая такой звук, будто по воде в чашке бил пальцами.

— А, так у тебя весь этот год Сатурн в такой фазе, что...

— Что?! — Николай выпучил и без того громадные глаза.

— Сатурн в фазе...

— Федя, блин! — прошипел Коля. — Какой Сатурн?!

— Планета! Я начал с астрологом работать. Знаешь как помогает! А еще йога, чакры... Поиск гармонии! Вообще другим человеком себя ощущаю.

— Ага, был кандидат математических наук, а стал дурак.

— Эй!

— Ну какие Сатурны с чакрами?! Зачем?

— Для жизни! Для счастья! Я себя как Нео из «Матрицы» теперь чувствую, весь мир, все люди понятны! Представь, что мир — программный код, и...

— Стоп. Стоп-стоп-стоп. Мне этого всего не надо, я взрослый, успешный, уважающий себя мужик. Да, есть неудачи в жизни, да, они могут совпасть с какой-то там фазой Сатурна. Плевать! Я человек, моя жизнь зависит от моих решений! — Николай сделал несколько движений вытянутыми ладонями, будто раскладывал сказанное по полочкам, стараясь не закипать. — Я имею право играть теми картами, которые выпали, и так, как я хочу. И никакие звезды или астрологи мне не нужны! Я свободен!

— Да свободен, свободен. — Каждый из них смотрел на сидящего перед собой одинаково: как на дурака. — Это же просто для понимания. Для личной эффективности. Чтоб не сидеть и не страдать, выговариваясь другу.

— А друзья разве не для того нужны, чтобы выслушать, когда больно, и отпраздновать вместе, когда победа?

— Так я и хочу помочь! — Федя подался вперед.

— Мозги ты пудришь! Во сколько твой астролог тебе обходится?

— Ну, в прошлом месяце семнадцать тысяч...

— Ты препод в универе, какие семнадцать тысяч?! Заняться нечем?

— Так я тут потратил, а потом ведь сторицей придет! Не бойся жертвовать!

— Ты не жертвуешь! — Коля все же начал злиться и непроизвольно сжал кулаки. — Ты покупаешь услугу.

— Дела в гору пошли!

— Да? У тебя новая квартира, машина или, может, вы с женой над следующим ребенком задумались?

— Да нет, я не о том...

— Или, может, зарплата выросла на тридцать четыре тысячи, что ты половину можешь спокойно отдать звездочету?

— Нет, я...

— Или ты в буддизм подался и тебе монахи профессионально раскладку делают?

— Коля!

— То есть ты даже в своем астрологе не можешь быть уверен, что это не профан какой? Он, может, учился у монахов?

— Все, отвали...

— Федя, я человек. И ты человек. Где твоя гордость? Астрологи и прочие гадания — это попытка снять с себя ответственность. Подсмотреть в замочную скважину, увидеть фигу, принять ее за флирт и довольным сидеть на заднице ровно. Или, наоборот, пойти какую-нибудь хрень сотворить. Блин, это же просто самоуспокоение! Вторая ступень пирамиды Маслоу, поиск безопасности! Мне сказали, что делать,

чего опасаться, со мной теперь ничего плохого не случится! Опиум, успокоительное для народа! Да, времена непростые, да, кризис на кризисе, то эпидемия, то война по всему земному шару. Но в том и красота, что в этом хаосе ты сам отвечаешь за себя, за свои решения и поступки, принимаешь на себя ответственность! В этом гордость человеческая! Мы венец природы, Федя!

Федя смотрел обиженно.

— Зарплата у тебя хотя бы увеличилась?

— Коля, дорогой, иди в очко. Задолбал. Венец природы, блин.

— Тебе это что, реально настолько важно? — Тон стал мягче. Задевать друга он не планировал.

— Мне важно, чтобы меня друг ценил и принимал, а ты...

— Сократ мне друг, но истина дороже. Кинут тебя твои звезды, если головой думать не будешь. В покер больше шансов выиграть.

— Мне нельзя в покер, я математик. Ладно, ехать пора. Предлагаю в следующую субботу с мужиками собраться.

— Давай...

На душе скребло, будто кто-то выводил по ней узоры неаккуратно вскрытой жестяной банкой. Коля знал, какой сейчас бум на всякую магию и эзотерику, достаточно в любой книжный зайти. Но чтобы друзья, умные, талантливые, залезли в это болотце для неуверенных в себе?! Этого Коля понять никак не мог.

Федя ушел, Коля, как всегда, заплатил за них обоих. Теперь понятно, почему друг всегда без денег: всё на свою ересь спускает.

Пуэр стал горчить, атмосфера китайской чайной потеряла очарование, настроение проваливалось в адские бездны. Позвал друга посидеть вместе, душу излить — а он...

На дворе стоял теплый февраль, обещающий раннюю осень. Без шапки ходить пока холодно, но куртку можно и не застегивать, если под ней свитер или кофта. Коля любил свитера из толстой пряжи, чтобы уют и тепло, а еще с высоким воротником — за те же свойства. Чувствовал себя в таких свитерах сильно моложе.

Ему было почти сорок, он имел небольшое дело по починке компьютеров и продаже комплектующих, которому с каждым годом все больше угрожали всякие мошенники. Сначала обещают цену ниже, чем в приличной конторе, а потом выставляют счет в три раза больше, нагородив всякие неизвестные инженерной мысли услуги вроде чистки процессора. Народ не богатеет — вот и профессионалам платить не хочет, боясь адекватных цен. И нарывается на мошенников. За последние полгода трижды приходили за консультацией, могут ли такие услуги столько стоить...

Что ж, на часах полдень, он как раз собирался навестить матушку. Она жила в отдаленной части города, за рекой Ушаковкой, в предместье Рабочее. Он там и вырос. Среди регулярно штурмуемых цыганских дворцов-нарколабораторий, разборок на ножах, постоянных аварий любителей навалить боком в проходящей через лес трассе, притонов, повального алкоголизма бывших офицеров госбезопасности из числа соседей и простого человеческого ожесточения. Он и стал жёсток. Ибо жил правильно, честно, с четкими ориентирами и спокойной совестью. Людей бил редко,

обманывал никогда, как мог любил и чаще жалел. Но вида, конечно, не показывал. Да и заподозрить его в жалостливости вряд ли можно — слишком уж густые брови достались от папеньки, постоянно всем кажется, что Коля хмурится. Для баланса он отрастил усы. Как у пилотов из американских фильмов его юности.

Радость проехаться по городу в автобусе выпадает редко: обычно он на своей машине и в пробках — сначала утренних, потом вечерних. Бизнес бизнесом, а в центральном (из двух) офисе он сам сидит, часто и с инструментом возится. Все рубль в карман. Да и парней-работников всегда есть чему обучить. Они знают: Николай Антонович строг, но справедлив и по-хозяйски заботлив. Один уволился, решил свой офис по починке компьютерной техники открыть, так звонит иногда, советуется. Николай помогает.

А тут выходной день, пустые улицы, в крови хороший китайский пуэр — благо граница с восточной империей рядом. Он добежал до остановки, нырнул в салон маршрутки, сунул водителю полтинник. Получив сдачу, царственно расположился на одиночном сиденье. Смотрел, как за окном в ярком солнечном свете преобразается город. Цвета на стенах становятся насыщенней, люди активнее; парочки идут, держась за руки. Красота.

Он вышел на конечной. Невысокие домишки, рядом кладбище, за спиной — вереница гаражей автослесарей. Все им исхожено здесь вдоль, поперек и даже меж. Место, любые вибрации которого чувствуешь кожей. Хотя за последнее десятилетие оно значительно изменилось.

Николай любил изменения, когда они идут на пользу, вроде новой детской больницы, построенной у самой

Ушаковки. Но все равно отчего-то тосковал. Пусть детство не было беззаботным, пусть сейчас он рад быть тем, кто он есть, но... Уже ни на стройке пива с пацанами не выпить, ни к Настюхе по балконам с цветами не забраться, ни подраться, в конце концов, — поводов-то нет. Середина жизни. Старые радости уже недоступны, для новых еще не вышел на пенсию.

Всего каких-то десять минут пути — а по ощущениям оказался в деревеньке у края тундры. Суета и шум города исчезли. Вокруг деревянные дома, часто покосившиеся, иногда наполовину снесенные, чуть чаще — заготовки домов, еще не обжитые, но уже отстроенные вплоть до крыши-макушки.

Но главное здесь, конечно, тишина — словно в лесу находишься. Пожалуй, даже в деревне должны быть хоть какие-то звуки человеческой деятельности, а тут пустота. Вакуум, как в космосе.

Он решил дать крюк, пройтись до самой окаемки обжитой территории, за которой кончался город. Может, пройдя поле, и до леса дойдет. Первый за три недели выходной надо провести с пользой не только для тела, но и для духа.

Раздался звонок телефона. Неизвестный номер, скорее всего спам, но могут быть и клиенты-партнеры. Николай ответил, рассматривая носки своих ботинок. Две секунды молчания, за которыми раздался механически-приятный девичий голос, искусственный, как улыбка девицы с тайского курорта. Спамеры. Напасть века.

Он нажал красную кнопку, поднял взгляд и замер. «Собака», — подумал сначала.

Потом понял, что какая-то не такая. И дело не в оскале с отогнутой, словно ошметок кожи, губой.

Больно крупная. На волка похожа. Но для волка мала, хотя формой морды очень напоминает. Окрас тоже не волчий, в основном коричневый, с серыми пятнами. Что за тварь такая?

Он замер, стараясь контролировать дыхание. Руку с телефоном осторожно опускал, боковым зрением пытался понять, что вокруг. Заснеженная дорога, заборы, все та же тишина. Проклятье, хоть бы кто до кухни спустился микроволновку включить — и то бы услышал, кажется. Но нет. словно чума всю деревню выкосила.

Тьфу, какая деревня? Город. Только почему-то огромная собака на него скалится и дыбится посреди улицы.

Тварь зарычала и бросилась. Слева забор из профнастила был ниже, чем справа. К нему Коля и рванул.

Убрать телефон в карман он не успел. Попытался зацепиться за край листа сгибом кисти — неудобно; подпрыгнул, закинул предплечье, постарался перевернуться. В пятку что-то сильно ударило и чуть не утянуло его в сторону. Коля начал падать, ударился руками об металл, уронил телефон. На мгновение запаниковал, но справился, наклонился вперед, перебирая руками и опуская как можно ниже голову, чтобы тело утащило за собой ноги.

Он плюхнулся в сугроб. Отчего-то было ясно, что тварь его разорвет. Начал искать в снегу телефон, но тут что-то большое оглушительно рухнуло на забор со стороны улицы, рыкнуло, сверху показались жилистые лапы с когтями. Забор был невысоким, да. И в следующий прыжок тварь его, скорее всего, перепрыгнет.

Проклиная свою осторожность, Коля побежал к дому, невысокому старому зданию, напоминавшему скорее дачу. Застучал по стеклу, начал звать на помощь. Внутри царила та же тишина, что и на улице перед его встречей с собакой. Или это волк?

Когти заскоблили по металлу, и через мгновение хрустнул снег. Тварь, не разбираясь, сразу же метнулась следом за Колей. Он вновь побежал, через участок к ближайшему забору, по ходу пытаясь понять, каким маршрутом придется меньше уминать снег. Споткнулся. Распластался, по-глупому хватанул ртом пушистый снег, подпрыгнул. Твари снег был не так страшен, но она тоже двигалась медленнее, чем могла бы.

Проклятье, проклятье, проклятье!

На участке стоял то ли сарай, то ли баня для гномов. Коля побежал к ней, стараясь больше не падать. За пристроенным ничем не оказалось. Забор тут был выше, он прыжком едва зацепился за него, ботинки скользили по металлу. Пришлось вывернуться и упереться ногами в деревянную стенку. Мысленно матеря каждый лишний грамм жира на животе, Николай зашагал по дереву, напрягая мышцы рук, пресса и ног, пока наконец не смог перекинуться через препятствие.

Закинув ноги, он продолжал держаться за забор одной рукой, проворачивая кисть, и таким образом приземлился на ноги. Повезло, потому что под снегом оказалась куча кирпичей. Он пнул один на нервяке, побежал, но тут же вернулся. Кирпич хоть какое-то оружие. Коля взвесил его в руке. Фигня, конечно, по сравнению с теми, какие они в детстве метали со стройки. Но хоть что-то.

Он вновь попытал счастье и побежал к дому. Тварь за спиной выла, бросалась на забор, но перебраться не могла. Если это не сулило спасения, то хотя бы давало фору.

В этом доме тоже никого. Хоть окна бей, надеясь, что они под каким-нибудь ЧОПом. Но это обычно демонстрируют, чтобы воров отвадить. А тут никаких следов сигнализации.

Зверя не было слышно. Николай замер, вдохнул. Вновь тишина. Может, и не было никакой собаки?

Раздался не то лай, не то рычание, не то рев со стороны дороги. Тварь одним прыжком оказалась на участке. Николай сгруппировался, думая, бить или бежать. Решил бить, но отойти за дом. В чистом поле против такой громадины шансов мало.

Он стоял у самого края стены, чтобы сразу броситься. Кирпич придавал уверенности, хоть ноги и дрожали от адреналина. Даже какой-то охотничий азарт разлился по крови, уголок губы потянуло вверх. По воюем, падла.

Тварь двигалась почти беззвучно. Коля мог бы и пропустить нападение, если бы не показавшаяся из-за угла длинная морда. Он с криком бросился на зверя, успел заметить оскал белых клыков, злой, почти осмысленный взгляд бездонных черных глаз и комки льда возле пасти — наморозило от дыхания.

Первый удар — промахнулся: тварина шарахнулась от него, широко выставив передние лапы. Он прыгнул и огрел ее по голове. То ли пес, то ли волк заскулил, затряс мордой. Коля ударил еще раз, снова попал, кажется, рассек шкуру. Но тут зверь бросился на него.

Он едва удержался на ногах. Массивная челюсть защелкала перед ним, стараясь достать горло. Надо думать, сработали инстинкты: ошалевшая тварь бросилась в атаку, спасаясь от боли. Действовала почти вслепую, что Коле жизнь и спасло. Или, по крайней мере, отсрочило страшную гибель.

Мысль о том, что его сейчас реально могут растерзать, окончательно обрела вес только с защелкнувшейся на предплечье челюстью. Его поразила боль. Просунутая между шеей и пастью твари рука защитила горло.

Его укусили за левую руку, правая продолжала держать кирпич. Он саданул собаке промеж глаз. Или волку. Или чем там была эта inferнальная дрянь.

Дрянь отбежала на несколько метров, скуля. Пригнулась, стала выхаживать кругами, пригибая морду к земле. Кажется, все-таки волк. Коля посмотрел на руку: рукав изодран, на снег весело капает кровь.

Быстро оглянувшись, Коля отошел к окну. Не пластиковое, старое, мутное. Перекрещенное деревянными рейками. Он сначала подумал сам залезть в дом через это окно, потом понял, что тут его тварь и загрызет, прыгнув на спину. Решил поступить иначе.

Сначала разбил стекло кирпичом, потом стал ругаться на зверя, провоцируя. Тварь напрыгнет на него, а он, присев, подбросит ее и, перехватив, обрушит горлом на торчащее стекло.

Коля демонстративно кинулся на волкособаку, та кинулась к нему, он отбежал снова спиной к окну, начал исполнять план... Когда пальцы ударили под лапы зверя, утопая в жесткой шерсти, нервов хватило только спружинить ногами и перебросить тело через себя. Снова хруст стекла, тут же удар об деревянный

пол. Раздался остервенелый лай, а он побежал вперед, забыв подобрать кирпич.

Боль в руке разрасталась. Стало ясно, что на еще один такой трюк ее не хватит. Перевязать бы.

Он побежал вглубь участка, к дому соседей, за которым оканчивался город. Их разделяла метровая сетка-рабица, которую не составило труда перепрыгнуть. Тварь запропастилась, может, от боли в голове изнывает, может, в доме кого нашла. Хотя криков не слышно. Все та же тишина: можно уловить, как кровь плавит под собою снег.

Дом высокий, с чердаком-мансардой — считай, трехэтажный. Почерневший от возраста, но еще крепкий, стоит ровно. Коля снял куртку, замотал ею покусанное предплечье. Постучался. Ожидаемо ничего не услышал в ответ. На всех участках, где он сегодня побывал, даже тропки не вытоптаны, во дворе ни лопаты, ни топора. Словно на зиму все хозяева, повинувшись инстинкту перелетных птиц, уехали в теплые страны.

Николай обошел дом и, намотав куртку на руку, разбил локтем стекло. Несколько раз ударил кулаком по торчащим из оконной рамы зубьям-бритвам. Понял, что так будет чистить долго, снял ботинок. Толстая подошва, крепкая ткань, походный вариант. Он быстро обкорнал раму, схватился за небольшую деревянную перекладину-рейку, запрыгнул на стену, держась за нее. Перекладина хрустнула, он спрыгнул вниз, всунул ногу в ботинок — завяжет потом. Начал сбивать отломанной рейкой стекло с верхней части окна. Сзади раздался едва уловимый шорох, словно ветер гулял среди трав.

Это был зверь. Коля сделал два шага назад, подбежал, прыгнул, зацепился здоровой рукой за подоконник

с той стороны окна и перевалился. Свитер непоправимо затрещал: какая-то из его вязок зацепилась то ли за краешек стекла, то ли за обломанную рейку.

Коля вскочил. Зверь, полный ненависти, со стекающей с оттопыренной губы слюной и кровью на разбитой голове, бросился следом в окно. Коля выставил вперед перекладину, которую все еще сжимал в руках, попал в раскрытую пасть, навалился. Дерево надломилось, но зверь отпрянул. Коля победоносно закричал.

Рядом стоял неширокий шкафчик — часть комплекта с сервантом. Коля аккуратно стал его двигать, ловя глазами движения возле окна. Если тварь заберется в дом, будет худо.

Не забралась. Он успел прикрыть окно шкафом — тот не закрывал проем полностью, но, если стоять и подпирать плечом, баррикада работает.

— Точно, есть же волкособы... — Стоило чуть успокоиться, и в сознание пришел термин откуда-то из закровов памяти. Помесь собаки и волка, хрен знает для чего выводимая. Крупнее и злее собаки, но спокойнее волка. По идее спокойнее.

Едва он ослабил нажим на дверь шкафа, тварь будто почувствовала это и кинулась. Он сдержал натиск, потом второй, третьим ударом его прилично толкнуло, но он снова удержал баррикаду. Еще несколько попыток, уже не таких интенсивных. Потом за окном все затихло.

Коля подпер шкаф столом и стульями. Пошел осматриваться — в первую очередь в поисках бинта и связи.

Телефона не было, зато в ванной комнате нашлась аптечка. Он убрал куртку, задрал промокший в крови рукав. Рваные раны на руке вызвали легкую тошноту. А может, это адреналин уходил.

Он залил всё перекисью. Глубокую рану, видимо нанесенную клыком волкособа, оттянул мизинцем. Она сразу закровила, и кровь вспенилась из-за перекиси. Коля заранее приготовил бинты и начал мотать. Если выживет, уколов от бешенства не избежать, а они, говорят, болючие. Интересно, настолько же, как раны сейчас? Он пошевелил пальцами — сжимаются, но предплечье, помимо того, что горит огнем, начинает нудить тупой болью. словно штырь застрял.

В аптечке нашелся обезбол. Он закинулся, запить было нечем.

Из гостиной, через которую он проник в дом, раздался шум и лай. Тварь снова попыталась пробраться внутрь. Коля кинулся к баррикаде. Сдержал натиск.

По идее, можно тут переночевать. Но если кровь не унять, он здесь умрет. Через сколько месяцев вернутся хозяева? В марте? В мае? Вдруг они вообще из другого города, а сюда прилетают летом, в туристический сезон...

Продолжив исследование дома, он отправился в прихожую. Где-то должна быть кладовая с инструментами, а среди инструментов — топор; быть ей надлежит поближе к выходу. А значит, либо прихожая, либо тамбур.

В узком тамбуре была боковая дверь, ручка поддалась, и он оказался в кладовой. Топор стоял сбоку, у двери.

В гостиной Коля стащил плед-покрывало с дивана. Вновь закатал рукав, проверил рану. Бинты пропитались кровью, но она вроде подсохла. Ничё, до свадьбы заживет.

Опять удар по баррикаде с улицы. Злая тварь. Но какая-то не особо резвая. Может, самка? Болеет? Сейчас бы еще разгадывать анатомические особенности твари, пытающейся его загрызть.

Коля решил: пусть бьется. Накинул висевшую в тамбуре куртку-робу, зажал в левой подмышке плед, правой рукой схватил топор и дернул входную дверь. Закрыто. Зажмурился, коря себя за глупость. Положил топор, провернул замок, услышал страшный шум в гостиной, схватил топор, выбежал.

Никаких мыслей. Только движение, дыхание, надежда добежать до улицы и встретить людей.

Он побежал. Боль в руке от натуги усилилась, в груди поднималась буря, из горла вырвался раскатистый рокот.

— Врешь, не возьмешь! Сука-а-а!

Тварь преследовала его: то ли баррикаду не пробила, то ли кровь чуяла. И была, конечно же, быстрее.

Николай развернулся к ней, отпустил топор так, чтобы тот упал металлом вниз, а ручка стояла вдоль ноги. Распутал плед, приготовился ловить чудовище.

У того замерзла кровь на морде — казалось, россыпь рубинов в темно-бурой шерсти запуталась. Красиво.

Зверь подпрыгнул на месте, Коля наклонился, чтобы накинуть плед, словно сеть, но животное метнулось в сторону и бросилось, метя в горло. Он не успел ничего предпринять — только развернулся, выставив руки вперед. Его повалило наземь. Началась борьба.

Коля ловил пледом морду твари, та неистово билась, рычала и лаяла, горячая слюна попадала на лицо, пасть щелкала, лапы без разбора скребли.

Инфернальное нечто, явившееся в образе волкособа, пыталось окончательно подмять под себя человека. Плед никак не помогал, отполированные кровью многочисленных жертв клыки точно знали, в какой створе их цель. Волкособ качал мордой, как маятником, норовя укусить. Коля полусидел, поймав правой рукой лапу, а левой пытался отбиваться от прыткой головы. До топора не дотянуться. Казалось, когти на задних лапах сейчас порвут штаны и оставят ужасные продольные раны на ляжках. Стало страшно за мошонку.

Николай попытался завалить тварь на бок, окатиться сверху. В этот момент увидел, что у той под густой шерстью на шее скрывается ошейник из темной кожи. На вид крепкий.

Отвлекся.

Зверь почти дотянулся до горла, остервенело лая. Коля перехватил нижнюю челюсть животного левой рукой, на которую был наброшен плед. Силу укуса тот не смягчил.

Почувствовав кровь на языке, зверь забился еще ожесточеннее, наконец-то закусил рукав Николая, дернул в сторону и перевернул человека, схватил еще раз, уже за руку, стал пятиться, дергая мордой. Коля орал от боли, страха и ярости — и последней было больше всего. Взбешенное животное подтащило его к топору. Отполированная за много лет рукоять нежно легла в руку. Коля ударил наотмашь.

Задняя лапа зверя хрустнула в колене. Еще удар — челюсть на руке разомкнулась. Коля попятился, тяжело, по-свиному, выдыхая. Посмотрел на месиво, которое еще утром было его левой ладонью. Два пальца он точно потерял. Вместо них свисали куски

мяса, безобразно отслоился шмат кожи, кровь лилась как из-под крана. От шока даже маты в голову не лезли. Он стоял с полуоткрытым ртом и пытался выдохнуть боль.

Тварь, пригнувшись, скользнула поближе к Коле, что-то уцепила в снегу и отошла. Начала грызть, запрокинула голову, с хрипом проглотила. Кажется, это был его безымянный палец. Ну, теперь точно никакого развода.

Человек продолжил пятиться, чувствуя, как боль оглушает. Словно тысяча лесок с крючками на конце зацепились за его ладонь и начали тянуть вниз. Безобразная, беспорядочно переливающаяся боль. Такое он чувствовал впервые.

Поймав легкими побольше морозного воздуха, Коля немного пришел в себя. Он стоял спиной к забору, ведущему на улицу. Тварь держалась подальше, но уходить не собиралась. Подогнув заднюю левую лапу, наматывала круги. Не отпустит, сука. Не отпустит.

Коля посмотрел наверх. Небо молочно-белое. Падает мелкий-мелкий снег, словно кто-то разбил вселенские часы, внутри которых серебряным песком отмерялось время, и тот теперь плавно ложился на землю, обещая покой.

Боковое зрение зацепилось за забор. Дощатый, частоколом. Высокий: хотя форма удобная, так просто не перелезть.

Дальше Коля уже не думал. Он истекал кровью, чувствовал себя песочной статуей, которую размывали подходящие с моря волны, и желал кружащему перед ним созданию смерти. Он не собирался сдаваться. Не хотел умирать. Жизнь бросила ему вызов — и он его

принял. Теперь надо окончить битву. Окончить битву. Окончить битву...

— А ну иди сюда, гнида! С кем связалась, тварь?! Я человек! Че-ло-век! А ты — какой-то карликовый волк! Убью!

Он демонстративно сделал выпад, расставив широко руки. Зверь тоже не собирался сдаваться — как и его противник, он пылал желанием убить и выжить. Поэтому бросился вперед, дико скалясь, словно желал одним махом проглотить Николая.

Тот набросился на волкособа, стал бить топором — сначала промахнулся, потом саданул твари в бок. Та заскулила, отпрыгнула, снова бросилась, снова получила. Коля взглянул на лезвие топора — понятно, почему кровь только с него самого льется. Хозяин за инструментом явно не следил, тот давно затупился. Примерно тогда же, когда его рукоять приобрела отшлифованную гладкость.

Тем не менее бить можно.

Он бил, и бил, и бил, все чаще не попадая, задыхаясь и хрипя. Тварь отвечала рыком, попытками достать его клыками или хотя бы когтями — и полным ярости взглядом. Они смотрели друг другу в глаза и обещали друг другу смерть. А еще видели в глазах противника смертельную усталость.

Коля ударил волкособа по голове — того аж на землю бросило, — потом еще раз, рассек ухо и кожу рядом, замахнулся, начал бить — животное извернулось и цапнуло его за правую руку. Топор упал, и зверь пошел в контратаку.

Сначала просто бросился на Колю, пытаясь сбить того с ног. Потом старался укусить за ноги, но получал

удары ботинком по носу. Коля что-то орал, пятился к забору. Наконец отступать стало некуда.

Коля не думал, что делает. Контроль забрали рефлексy и запавшие в память сцены боевиков с участием голливудских азиатов. Тварь бросилась на него, он присел, наклонился чуть в сторону, подставляя под прыжок плечо, обхватил зверя под грудью и с силой бросил наверх. Будь они борцами на татами, это был бы изящный бросок через себя. Но позади стоял забор и шерстяное тело гулко стукнулось об доски. Коля не стал отпускать животное, а зарычал и попытался перекинуть его.

Он скорее почувствовал, что зверь застрял в выемке между кольями. Скользнул правой рукой вдоль тела к горлу, зацепился за ошейник, стал тянуть вверх, как мог помогал левой.

Внезапно в голову пришла мысль.

Ошейник сидел плотно, но это из-за шерсти. Его ведь получилось оттянуть. Правая ладонь ушла чуть в сторону, он еще сильнее потянул вверх, помогая рукам плечами и грудью, не замечая, что задняя лапа зверя рвала свитер.

— Ра-а-а! — хрипел Николай, загоняя ошейник к верхушке кола. Наконец ребро ладони, двигавшейся вдоль среза доски, почувствовало ее кончик. Он довел ошейник, немного развернул тварь в сторону.

Когда он почувствовал, что волкособ повис на заборе, то ослабил хватку. Зверь забил всеми лапами — даже раненой. Хрипел. Из его пасти капала кровавая слюна. Николай обхватил тварь левой рукой, схватил правой за шерсть на груди и потянул вниз, удушая животное. Лишь бы выдержал ошейник, лишь бы выдержал...

Он выдержал.

Это было закономерно: такую лютую тварь только на крепкой привязи можно держать. А даже цепь не имеет смысла, если ошейник порвется.

Когда лапы уже перестали дергаться, Колю настигла мысль, что это была чья-то тварь, кто-то же надел на нее ошейник. У напавшего отродья был хозяин.

Он взглянул на труп животного. Ярость и бешенство испарились из этого тела. Коричневая, можно сказать бурая, шерсть. Следы схватки, которые вызывали скорее сочувствие. Страшный оскал — замерший, он напоминал работу мастера-таксидермиста. Но Коля знал, что ярость осталась в устремленном в небо взгляде волкособа. И любой, кто взглянет в эти остекленевшие глаза, найдет в них, помимо ярости, непримиримую борьбу за выживание. Чувство этой борьбы не имело названия. Однако же существовало. Коля сам ощущал его, каждой клеткой тела пытался стать больше, чем он есть, ведь еще мгновение назад от этого зависело, кто выйдет из схватки победителем. Живым.

Он попытался снять с забора труп, но не вышло. Боль в изуродованной ладони и ногах усилилась. Накатила слабость.

Дверь на улицу закрывалась задвижкой. Он вышел, заметил на снегу свежий след от шин. Кто-то проехал мимо, не догадываясь, какая сцена разворачивается за частоколом, а Коля даже не заметил машину.

Он едва дошел до остановки. Его заприметили мужики с ближайшего автобуса, пришли на помощь, вызвали скорую и полицию. Он мог умереть от потери крови, но спасся. Врачи насчитали сорок шесть ран,

очень много шили — Коля потом шутил, что истратили на него целый моток ниток.

Когда вешал волкособа, не заметил, что зверь царапал левый висок. Теперь до скулы будет проходить благородный шрам. Чуть глаза не лишился, но ничего, не лишился же. Рана заживет и будет символом его победы.

Как установило следствие, волкособа (это действительно был волкособ) держал проживавший на той улице одинокий мужчина. Точнее, старик. Держал, понятное дело, на улице, на цепи, но внезапно умер. Никто ему не звонил, в гости не ходил, соседей тоже не оказалось. Животное, судя по всему, неделю просидело без еды, пока не сумело вырваться на волю, оборвав цепь. В тот-то момент они с Николаем и повстречались.